

II. Страницы новейшей истории

Михаил Суслов

Игры патриотов: Военные фантазии в политической культуре России конца XIX – начала XX веков¹

На рубеже XIX – XX века в кругах российской интеллигенции, особенно правого толка, преобладала кризисная, апокалипсическая картина мира, которая сложилась под влиянием растущей неуверенности в будущем и ощущения непрочности настоящего.² В периодической печати, политической литературе и «салонах» господствовало разочарование в настоящем, настроения безнадежности и нравственной опустошенности. Особенно пессимистические и эсхатологические взгляды имели правые, консерваторы.³ Это были в основном те «обездоленные», которые потеряли одновременно надежду на реализацию своего политического идеала (после установлению парламентаризма в России в 1905-1906 гг.), самоуважение к себе как к «первому сословию», а также постоянно несли экономические потери как землевладельцы в результате политики Витте.⁴ Свидетельства «революционной ситуации» в умах консерваторов бесконечны. А. Вязигин, редактор правого издания «Мирный труд», озаглавил сборник своих статей «В тумане смутных дней».⁵ Редактор «Нового времени», А. С. Суворин, в дневнике

¹ Работа была опубликована в журнале «Вопросы культурологии» (2008, № 11).

² Частично эти настроения охватываются термином «революционная ситуация», означающим двойственный кризис, поражающий общество, когда «верхи не могут» управлять по-старому, а «низы не хотят» этого. См.: Корелин А., Тютюкин С. Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10; Кризис самодержавия в России, 1895-1917. Л., 1984. Определение взято из работ В. И. Ленина, в частности, из «Детская болезнь “левизны” в коммунизме».

³ См: Лукьянов М. Н. В ожидании катастрофы: Эсхатологические мотивы в русском консерватизме накануне первой мировой войны // Russian History / Histoire Russe. 2004. Vol. 31, No. 4; Newstad E.R.W. Components of Pessimism in Russian Conservative Thought, 1881-1905. Norman, 1991.

⁴ В данном случае значение имеет не «абсолютное» значение «обездоленности», а его субъективное восприятие, которое зависит от степени понижения своего статуса сравнительно со статусом других социальных групп.

⁵ Вязигин А. С. В тумане смутных дней. Сборник статей, докладов, речей профессора А. С. Вязигина. Харьков, 1908.

предсказывал скорейший распад России.⁶ С. Ф. Шарапов, журналист неославянофильского направления, мрачно предсказывал конец «Петербургской цивилизации», а с ней вместе, вероятнее всего, и «*finis Russiae* как *Russiae*.»⁷

При таких повсеместно распространенных настроениях «маленькая победоносная война» выглядела закономерным выходом из невыносимого положения, а мечты о грядущих баталиях, «воображаемые войны» приобретали сильнейший терапевтический эффект.⁸ Они примиряли и писателя и его читателей с существующим строем и со своим положением в нем.⁹ Можно сказать, что воображаемая война - это особый род «опиума для народа»¹⁰, применяемый для светских обществ. Не случайно на рубеже 19 – 20 веков она сделалась практически самостоятельным и широко распространенным литературным жанром по всему миру.¹¹

Оптимистические военные утопии, заканчивающиеся победой своей страны, изображают войну как период максимально полной и подлинной народной и государственной жизни, когда существующие недостатки преодолеваются и страна открывает для себя истинные исторические пути.¹² Пессимистические военные утопии, напротив, описывают поражение как закономерный итог политических заблуждений и просчетов в настоящем и, обыкновенно, набрасывают проект выхода из кризиса и возрождения «истинных начал». В любом случае, война как литературный прием имеет эсхатологическую функцию, она маркирует конец старого времени и начало «подлинной истории», заменяя в утопии сюжет о «демиурге – реформаторе», который создает порядок из хаоса.

Воображаемые войны связывают эсхатологию и утопию (дистопию) воедино¹³, наглядно показывая социальный идеал (или его противополож-

⁶ Суворин А. С. Дневник. М.-Пг., 1923. С. 301.

⁷ Государственный архив Смоленской области. Ф. 121. Д. 545. Л. 16. (Письмо К. Н. Пасхалову от 28.12.1906); Русское дело. 1907. № 35. С. 13.

⁸ В России, как и во всем мире, военные утопии сосуществовали с утопиями вечного мира. См.: Stites R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford, 1989. P. 30-31.

⁹ У П. С. Фишера дано фрейдистское толкование политическим фантазиям: неспособность рационально разрешить противоречие между желаемым и действительным опрокидывает сознание в сферу иллюзий, фантазий, сновидений. См.: Fisher P. S. *Fantasy and Politics: Visions of the Future in the Weimar Republic*. Madison and London, 1991. P. 4.

¹⁰ Знаменитое выражение К. Маркса взято из «К критике гегелевской философии права».

¹¹ См.: Matarese S. M. *American Foreign Policy and the Utopian Imagination*. Amherst, 2001; Clarke I. F. *Voices Prophesying Wars. Future Wars 1763-3749*. Oxford, 1992; Pfalzer J. *The Utopian Novel in America, 1886-1896. The Politics of Form*. Pittsburg, 1984.

¹² Нам трудно согласиться с мнением, что любая воображаемая война – это антиутопия, повесть о политике, «зашедшей в тупик». (См.: Энхольм А. Литературная война // Уральский следопыт. 1991. № 3. С. 53-55.)

¹³ О противоположной сущности утопии и эсхатологии см.: Шестаков В. П. Эсхатология и

ность) в самый драматический для жизни социального организма момент – во время войны. Этот прием позволят поместить как бы под увеличительное стекло достоинства или недостатки существующего социального устройства. Военные утопии, представляя собой некий промежуточный жанр между эсхатологическим пророчеством и полноценной социальной фантазией, действуют на эмоциональном и подсознательном уровне. Они, как правило, неспособны последовательно и рационально описать программу необходимых реформ, представляя историю как арену борьбы провиденциальных сил, интерпретируя политические события в терминах «возмездия, чуда, массового искупления и воскресения».¹⁴ Однако, в условиях массовой политики подобные фантазии, апеллирующие к народным чувствам и политическим образам, могут оказаться довольно могущественным инструментом влияния на принятие государственно-важных решений.¹⁵ Поэтому жанр воображаемой войны часто используется для иллюстрации желаемого направления реформ, «как инструмент политики», будь то утопия или дистопия, причем последняя, конечно же, пользуется большим успехом, так как она пугает читателя картинами народных бедствий.¹⁶ Воображаемая война в этом случае играет роль *deus ex machina*, интеллектуального приема, с помощью которого утопист избегает развернутых описаний того, как реализовать свой идеал. Вместо продолжительных и сложных реформ, детализированных планов и пошаговых инструкций автор живописно рисует батальные сцены, а в результате желаемый результат достигается сам собой.

В военной дистопии пороки существующего строя обостряются при приближении «последних дней» и являются настоящими причинами войны. В таком случае, батальное сочинение – это предупреждение, а не воинственный клич. Классическое сочинение в этом жанре, «Битва у Доркинга» сэра Чесни¹⁷ как раз является такой утопией-предупреждением о немецком вторжении в Великобританию. Она показывает, как каким плачевным по-

утопия. (Очерки русской философии и культуры). М., 1995. С.4-5.

¹⁴ Fisher P. *Fantasia and Politics*. P. 6.

¹⁵ Не вдаваясь в «морфологию» военной утопии, можно отметить, что фиксированный набор ее сюжетов («осажденная крепость», «пятая колонна», «ущерб, причиненный врагом», «волшебное средство – техническое новшество» и т.д.) отражает политическую мифологию народа. С другой стороны, именно благодаря этой «сказочной» ходульности утопических сюжетов, они могут использоваться для манипуляции массами.

¹⁶ Как писал В. Гаков, «призывы к бдительности быстро оборачивались алчным имперским кличем», и таким образом «научная фантастика превращалась в прямой инструмент политики». См.: Гаков В. Ультиматум. Ядерная война и безъядерный мир в фантазиях и реальности. М., 1989. С.40.

¹⁷ Anon. [Chesney, sir George Tomkyns]. *The Battle of Dorking: Reminiscences of a Volunteer*. London, 1871.

следствиям, к какому позорному военному разгрому могут привести общественные пороки и государственные недостатки.¹⁸ Чаще всего такие утопии создавались в стране – потенциальной жертве военного конфликта. В Великобритании, например, болезненно переживающей свою уязвимость в условиях растущего могущества Германии, вслед за «Битвой у Доркинга» появилось не меньше 23 литературных ответов на это сочинение¹⁹ и великое множество похожих опытов. Таким примером может послужить «Послание» А. Доусона (1907), описывающее сокрушительное поражение англичан в войне с Германией из-за всеобщей апатии и эпикурейства в английском обществе. Самое интересное, однако, происходит потом. Начинается эра «Возрождения», люди осознают и заново для себя открывают ценность морального долга, аскетизма и простоты в быту. Они перестают употреблять алкоголь и по всей стране закрываются пивные, экстравагантность в одежде и поведении осуждается, как и недостаток патриотизма. Под лозунгами «За бога, расу и долг» происходит расцвет пуританизма, причудливо соединившегося с имперским национализмом, и в конце концов возрожденная Великобритания сбрасывает с себя гнет немцев.²⁰ Похожим образом развивается утопия Х. Л. Росеггера «Гольфстрим» (1913). Проигрыш в войне и революция, происходящие на фоне глобальной экологической катастрофы (оледенение в Европе), помогли Германии обновиться. В итоге выжили сильнейшие, произошло естественное расовое очищение: «оледенение спасло нас от морального и физического падения, и наш народ снова стал аскетичным, сильным, скромным и счастливым».²¹ Т. Кэммерер в утопии «Грядущая мировая война как предвестник всеобщего мира» (1909) показывает, как удачная война с Великобританией сплотила общество и положила конец декадентским настроениям, погоне за наслаждениями, лицемерию, формализму и социал-демократическим идеям в немецком обществе.²²

Важно отметить, что по этому сценарию воображаемая война служит средством развития фундаменталистской утопии, она поворачивает исто-

¹⁸ «Богатые были ленивыми и пышными, бедными было жалко средств на оборону. Политика стала простой торговлей голосами избирателей, а те, кто должен был бы вести нацию, деградировали в угодников своих своекорыстных замыслов... Поистине нация созрела для катастрофы». Анализ этой утопии см.: Clarke I. F. *Voices Prophesying War. Future Wars 1763-3749*. Oxford, 1992. P. 2-32.

¹⁹ Судя по перечню воображаемых войн, приведенному в: Clarke I. F. *Op. Cit.* P. 225-226.

²⁰ Dawson A. J. *The Message*. London, 1907. P. 293-350.

²¹ Rosegger H. L. *Der Golfstrom*. Berlin und Leipzig, 1913. См. анализ этой работы в: Jost H. *Old Dreams of a New Reich: Volkish Utopias and National Socialism*. Bloomington and Indianapolis, 1992. P. 37.

²² Kämmerer Th. *Der «bevorstehende» Weltkrieg als Vorläufer des Weltfriedens*, 1909. S. 8-12.

рию вспять, помогает установить в обществе традиционные, патриархальные, архаичные и религиозно-ригористичные отношения. Закономерно то, что фундаменталистские утопии и воображаемые войны возникают в одном и том же интеллектуальном климате, в условиях радикальной модернизации, которая подрывает уверенность в себе и заставляет искать точку опоры в прошлом.²³ Этим объясняется тот факт, что в России воображаемые войны часто создавались для обоснования славянофильских утопий о преобразовании страны в соответствии с принципами Московской Руси. В этом случае, война для утописта есть нечто большее, чем решение внешнеполитических проблем. Она становится средством построения нового дивного мира, в частности, методом разрешения сугубо внутренних противоречий.

По этой интеллектуальной схеме развиваются утопии С. Шарапова. Резко, вплоть до цензурных неприятностей, критикуя политику правительства, Шарапов на протяжении десятилетий доказывал благодетельность войны с Германией. Он рисовал такую картину: соединенные силы Германии и Австро-Венгрии захватывают Россию до Волги, Турция оккупирует Кавказ, Япония – Дальний Восток, Сибирь, Урал и Поволжье объявляют о создании самостоятельных государств. Автор пишет: «Казалось бы, это и будет политической смертью нашей Родины. Но в сущности это станет только началом ее возрождения».²⁴ Нашествие неприятеля возбудит угасший патриотизм, вернет интеллигенцию в лоно национальной культуры, сплотит народ, «как рукой снимет... всякий социализм», возродится религия, окрепнет связь мужика и барина, утвердится идея славянского единства и, наконец, ярче прежнего воссияют идеалы монархии. Из катарсиса войны и искупительного национального унижения русский народ выйдет возрожденным, Империя - обновленной и сильно увеличившейся на западе и юге, а немцев будет ждать новый Грюнвальд.

По другому сценарию Шарапова Германия вторгается в Россию «по Днепр», но на третьем месяце из-за перебоев с поставками продуктов и сырья для заводов, германская «промышленная машина» не выдерживает внутреннего напряжения и «разлагается».²⁵ Кроме того, славяне Австро-

²³ См. среди множества сочинений на эту тему, например: Riesebrodt M. *Fundamentalism and the Resurgence of Religion* // *Numen*. 2000. Vol. 47, No. 3. P. 271; Masden G. *Understanding fundamentalism and evangelicism*. Grand Rapids, 1991; Ammerman N. *North American Protestant Fundamentalism* // *Fundamentalism observed*. New York, 1991; Marty M. *Fundamentalism as a Social Phenomenon* // *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*. 1988. Vol. 42. No. 2. P. 17-18; Coreno T. *Fundamentalism as a Class Culture* // *Sociology of Religion*. 2002. Vol. 63, No. 3. P. 340.

²⁴ Там же. С. 4.

²⁵ Аксаков Н.П., Шарапов С.Ф. *Германия и Славянство*. Доклад Аксаковского Литературного и

Венгрии целыми армиями сдаются в плен, не желая воевать против своих братьев, а Франция и Великобритания открывают второй фронт. Первая оккупирует в Эльзас и Лотарингию, а вторая разбивает немецкий флот и десантируется в колониях. Вскоре русские войска вступают в Берлин и немецкое правительство капитулирует.²⁶ Но помимо этого война имеет и собственное «благотворное» значение для России. Как и в Германии, в России сокращается внешняя торговля, но для страны это настоящее благо. Импортные товары придется изготавливать самим, что приведет к развитию отечественной экономики. Итогом станет укрепление экономической самостоятельности и процветание страны.²⁷

Утопический очерк известного историка Д. И. Иловайского «Более тридцати лет спустя» (1897) показывает картину сокрушительного поражения России от немецких войск. Здесь автор использует военный сюжет для того, чтобы показать, какие пороки настоящего привели к катастрофе. По мнению Иловайского, ахиллесовой пятой Российской империи было «засилие» иностранного капитала. Он последовательно показал, как невыгодный торговый договор с Германией 1894 года привел страну к обнищанию, подчинению немецким промышленникам и финансистам. Кроме экономического кризиса он диагностирует упадок народного духа и нравов, а также усиление «антигосударственных» элементов в лице евреев, немецких колонистов, «гнилых либералов». В конце концов, тяжелое положение в экономике вынудило царя выступить против Германской империи. Россия сразу оказалась в полной изоляции. Когда выяснилось, что против России поднялись Англия, Швеция, Япония, Греция, Румыния, не говоря уже о Германии и двуединой империи, то ее давний союзник, Франция, предпочел не вмешиваться. К тому же, «пятая колонна» подготовила восстание против русских в Царстве Польском, а на Украине поддержку врагу оказывали евреи, штундисты, украинофилы и немецкие колонисты. Противник захватил господство на морях и овладел столицей, а на Дальнем Востоке сопротивление было сломлено японцами, немцами и англичанами. Бежавшее в Нижний Новгород правительство было вынуждено просить о мире. Россия лишилась Финляндии, Привислинских губерний, Бессарабии, Волыни, Подолии и русской Армении. Прибалтика получает права самой широкой автономии. Разоренная войной страна вынуждена собирать 6 млрд. контрибу-

Политического Общества в Москве С.-Петербургскому Славянскому съезду. М., 1909. С.4;

²⁶ Шарапов С.Ф. Через полвека. М., 1902. С. 50.

²⁷ Шарапов С. Ф. Война и кредитный рубль // Талицкий [Шарапов С.Ф.] Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. С примечаниями И. С. Аксакова. М., 1886. С. 124; Шарапов С. Ф. Н. М. Баранов. Несколько воспоминаний // Шарапов С. Ф. Сочинения. Издание второе. Вып. 11. С. 75.

ции и подписать кабальный торговый договор, а пока – по Москве маршируют прусские гренадеры.²⁸

Иловайский не только показывает, как не надо поступать, он сжато набрасывает штрихи к будущему процветанию страны. Очень показательна логическая эквилибристика автора, делающего из поражения победу. Историк провозглашает «Петербургский период» российской истории законченным. Столица переносится в Москву, «недружественные окраины» отпадают, народ сплачивается вокруг императора, «пятая колонна» выявлена, а русский народ получил жестокий урок о том, что у него нет и не может быть друзей за границей.

Несмотря на популярность военной дистопии, все же в России оптимистические сценарии войн преобладали,²⁹ что типично для агрессивной, создающей свою мощь страны. В США, несомненном лидере по количеству утопических сочинений на рубеже 19 – 20 вв., менее 2 процентов «политической фантастики» предполагали возможность иностранного вторжения на территорию Америки. Авторы американских воображаемых войн, будучи хорошо адаптированными и успешными представителями высших классов, гордящиеся мощью своей страны, доводят ее в своих мечтах до напыщенного шапкозакидательства.³⁰ Такова книга И. Донелли «Золотой флакон» (1892), описывающая крестовый поход против монархий «Старого Света» во имя принципов американской конституции, которые должны быть провозглашены «на всех континентах и всех островах мирового океана».³¹ Последняя битва этой драмы заканчивается поражением последнего оплота зла - Российской империи, и вся Европа при полном сочувствии простых трудящихся перестраивается по американскому образцу.³² Столь же помпезно описываются победы американцев в романе С. У. Оделла «Последняя война. Триумф английского языка» (1898). Последняя война благородной англо-саксонской расы с «полукровкой расой подданных русского Царя-Папы» необходима, так как мир нуждается в «одном языке, одной расе, одной системе управления и в единых законах».³³ В результате

²⁸ Иловайский Д. Более тридцати лет спустя. Святочный сон // Кремль. 1897. №5. С. 1.

²⁹ В этом можно согласиться с Д. В. Бугровым. По его мнению, в России воображаемые войны были не столько романами-предупреждениями, сколько «проектами желательной войны». См.: Бугров Д. В. Германизм в зеркале русской идеи: исторические перспективы Германии в отражении русского утопического традиционализма рубежа XIX-XX вв. // Известия УрГУ. 2001. №2.

³⁰ Matarese S. M. American Foreign Policy and the Utopian Imagination. Amherst, 2001. P. 9-10, 18.

³¹ Donnelly I. The Golden Bottle, or The Story of Ephraim Benezet of Kansas. New York, 1892. P. 202-204.

³² Ibid., P. 238-247.

³³ Odell S. W. The last war. The triumph of the English tongue. A story of the twenty-sixth century, compiled from the official notes of Newman, reporter to the president of United America. Chicago,

предсказуемой победы образуются Соединенные Штаты Мира, английский язык становится обязательным, а изучение старых языков запрещается, цветные расы «становятся на колени перед белым человеком и живут только по его милости».³⁴

Аналогичных сочинений в Америке на рубеже 19 – 20 веков было не десятки, а сотни. В России же – всего несколько, поэтому не совсем корректно говорить о какой-то особо злостной утопичности, воинственности и мессианстве российской политической культуры. Как и в американских военных фантазиях, российские утопии смакуют не просто прелесть победы на поле брани и чудеса душегубительной техники, но превосходство своих культурно-политических принципов, самых основ своей цивилизации. Поэтому такие утопии тоже имеют элемент фундаментализма; так, американские фантазии утверждают преимущества, вечность и всеобщую применимость Конституции 1787 года, а российские – заветов старины глубокой: православия и самодержавия.

Например, роман Н. Н. Шелонского «В мире будущего» (1892) повествует о том, как в России 2892 года, где люди живут большими патриархальными семьями на лоне природы, удалось примирить знание и веру, что вызвало необыкновенный технический прогресс и нравственное совершенство вплоть до овладения телепатией и левитацией. Это позволяет российскому народу без труда, силами одной милиции разбить агрессора – погрязшую в капитализме, индустриализме и империализме Великобританию. Фактически, Шелонский перенес в другую страну недостатки, которые он видел в России, и довел их до фантастического предела. Правление в антиутопической Англии сосредоточено в руках финансовой аристократии, которая подкупила печать и правительство, а потому легко манипулирует массами. Народ вынужден жить в смрадных мегаполисах, где обосновались нищета, преступность и разврат. Все усилия английского правительства «направлены к усовершенствованию всевозможных орудий разрушения», поэтому, в конце концов, Англия начинает войну против мирной России и Франции. Но случайностям войны здесь нет места: по замыслу автора, это победа правды над ложью, а не летающих кораблей русских над ржавыми посудинами англичан.³⁵

1898. P. 28, 59.

³⁴ Ibid., P. 169.

³⁵ Шелонский Н. Н. В мире будущего. Фантастический роман. М., 1892. С. 276-302. Воображаемые войны с Англией были, видимо, первым подобным опытом в России. См. об этом: Харитонов Е. «Без войны они скучают...» Воображаемые войны в русской фантастике // Библиография. 1995. № 4. С. 51.

Произведение А. И. Красницкого «За приподнятой завесой» (1900) посвящено подготовке к мировой схватке России с Западом. Автор, близкий к панславистским кругам С.-Петербурга, считает, что «единственное из всех племен в Европе, способное к жизни и прогрессу это славянское племя», которое должно стать опекуном прогнившей Европы.³⁶ События в романе развиваются таким образом: Россия снабжает Францию сверхмощными подводными лодками, которые уничтожают английский флот. Победа над Англией послужила толчком для всеобщей смуты: против Британской империи восстали ирландцы, негры, буры, канадцы, австралийцы, китайцы, индусы и афганцы. Немцы с венграми пошли войной на Австрию, датчане выступили против немцев, норвежцы против шведов, португальцы против испанцев; одним словом, разгорелась мировая война всех против всех: так «дряхлое поколение само себя истребляло».³⁷ При благожелательном участии России стал подниматься Китай, уставший от постоянных унижений со стороны европейцев. В русском народе он, однако, встретил не врага, а друга и брата, тоже много выстрадавшего от коварного Запада. Параллельно раскручивается «амурно-политический» сюжет романа. Внучка правителя России, ревностная христианка, приносит себя в жертву родине, выходя замуж за мусульманина Мурад-пашу – лидера партии реформ в Турции. Россия помогает ему встать во главе государства, а тот соглашается перенести столицу империи в Мекку. Вся европейская часть Турции вместе с Константинополем и проливами без единого выстрела переходят к России. В то же самое время славянский съезд постановляет «влиться в русское море».³⁸ Образуется славянская империя, берущая в опеку все человечество.

Уделяя много внимания тонкой дипломатической игре и военно-техническому потенциалу страны, Красницкий все же делает акцент на моральном превосходстве славян над западными европейцами. Победа России представлена как закономерная плата по давним счетам, причем Империя выступает представителем интересов всего Востока и даже всего неевропейского мира перед заносчивым соседом, исторические дни которого уже сочтены.

Для Ф. А. Витберга, автора публицистического сочинения «Политические мечты русского патриота» (1904), война тоже является противостоянием мировоззрений и цивилизаций, а не решением конкретных политиче-

³⁶ Красницкий А. И. За приподнятою завесой. Фантастическая повесть о делах будущего. (XX век). СПб., 1900. С. 56.

³⁷ Там же. С. 174.

³⁸ Там же. С. 186 - 190.

ских задач. Россия живет идеями и моральными ценностями, а Запад – меркантильными расчетами, отсюда и извечный между ними антагонизм и взаимное непонимание. Главный враг России, по мысли Витберга, не воюющая в этот момент против Империи маленькая Япония, которую разбить будет, конечно же, делом нетрудным, а Соединенные Штаты, этот «промышленный Наполеон», средоточие капитала. Вскоре, предсказывает автор, мир разделится на атлантический военный блок и континентальный. К первому, возглавляемому Америкой, присоединится Великобритания, Канада и Южная Америка. На сторону России встанет Франция, Германия, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция и Норвегия. Чем же закончится эта война? «... При столкновении истинно-нравственных, божественных начал всеобщего братства и мира, провозглашаемых и защищаемых нами, и корыстных, хищнических начал капитализма и промышленного господства... победа должна остаться за нами».³⁹ Но мировая война на этом не заканчивается. С падением Англии и США международное равновесие изменяется в пользу Германии. Индия распадается на множество владений и переходит под покровительство Германии и Франции. Китай и Корея становятся русскими доминионами. Заключительным актом этой исторической драмы будет противостояние «славянства» и «германства», которая естественным образом закончится установлением господства России над всем миром.⁴⁰

Некий Петр Р-цкий в работе «Война “Кольца” с “Союзом”» (1913) со знанием дела рассказывает о ходе военной кампании против Германии. Формальным поводом для войны послужил вооруженный конфликт между Грецией и Болгарией. На первом этапе побеждал Тройственный союз, к которому присоединилась Швеция. Благодаря слаженности своего механизма мобилизации Германия вторглась в Привислинский край, юго-восточную Бельгию, Люксембург и Данию. Однако противники не учли такой козырь Антанты, как авиацию. 150 русских аэропланов обеспечили господство в воздухе и исчерпывающую информацию. Вскоре немецкое наступление выдохлось, и постепенно русские освободили Царство Польское и захватили Восточную Пруссию. Одновременно русские разбили немецкий и шведский флот на Балтике, и совместно с англичанами высадили десант в Ютландии. Завершающий аккорд: флот Антанты истребил немецкую армаду, русская армия подошла к Берлину, блокада подорвала экономику Тройст-

³⁹ Ф. В. [Витберг Ф. А.] Политические мечты русского патриота. Доклад, прочитанный 19 марта в Харьковском отделе Русского Собрания. Харьков, 1904. С. 3-9.

⁴⁰ Там же. С. 12-14.

венного Союза. Через несколько месяцев после начала войны Германия запросила мира.⁴¹

Характерная для панславистов и неославянофилов германофобия имеет не только геополитическое, но и важные символические измерения. Они видели в войне с Германией выражение национального самосознания русского народа, которому давно пора сбросить с себя иноземное культурное иго, наложенное на страну Петром, и закончить «ученический», петербургский период русской истории. Воображаемая война для них была не столько войной с Германией, сколько войной за утверждение высокой ценности собственной национальной культуры, за русскую национальную идентичность. Порой война с Германией или с Великобританией приобретает черты глобального противостояния цивилизаций, а, в конечном счете, – добра и зла, но более конкретное значение воображаемой войны заключается в описании модели нового «воображаемого сообщества».⁴² Консолидация нации, пан-национального (например, всеславянского) или имперского союза часто является результатом литературной войны.

Не слишком эффективные в качестве конкретной программы действий, проекты воображаемых войн выполнили свою задачу в качестве эсхатологических пророчеств. Создаваемые в огромных количествах, визионерские войны рубежа XIX – XX вв. подготовили общественное сознание для восприятия мысли о необходимости и неизбежности решающего столкновения великих держав. Утвердилось положительное или нейтральное отношение к самой войне, готовность принять как победу, так и поражение ради кардинальной перестройки фундамента общества. Поэтому воображаемые войны обладали огромным революционным потенциалом; они настойчиво убеждали читателя, что после войны все будет по-другому, гораздо лучше. Милитаристы-визионеры «запустили» главный движущий механизм утопии – «принцип надежды»⁴³, но не смогли ввести его в жесткие рамки рациональных программ, они лишь выпустили на свободу демона разрушения, и не смогли с ним совладать. Мировая война, которую увлеченно воображали все недовольные социальные слои и предвкушали реваншисты, фундаменталисты и националисты в России и Европе в течение последних 30-40 лет, в августе 1914 года стала реальностью.

⁴¹ Петр Р-цкий. Война «Кольца» с «Союзом». (Англия, Франция, Россия – Германия, Австрия, Италия). Повесть грядущих событий. СПб., 1913. С. 4-7, 69-78, 95-115.

⁴² О связи утопизма и национализма см.: Sargent L. T. *Utopianism and National Identity // The Philosophy of Utopia* / Ed. Barbara Goodwin. London, 2001. P. 87-88; Wegner P. E. *Imaginary Communities. Utopia, the Nation, and the Spatial Histories of Modernity*. Berkeley, 2002.

⁴³ Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. С. 131.